

Свое имя Екатерина Еланская навсегда вписала в историю театра. Не только актерскими и режиссерскими работами. Но тем, что при советской власти, когда вниманием зрителей владели классики режиссуры и культурный интерьер был утвержден по-советски неприкасаемо, Екатерина Еланская сумела доказать властям и обществу необходимость создания совершенно нового театра. Не похожего на все, что было тогда узаконено.

Этот театр — «Сфера» — был фактически узаконен в 1981 году, свое уникальное помещение получил в 1984-м, почти три десятилетия с блеском проработал под руководством основательницы — до самой ее кончины — и теперь продолжает работать под руководством ее сына Александра Коршунова. Феерический успех!

Борясь за свой театр, Еланская вела записи. Не для печати, конечно. А для себя — чтобы понять смысл происходящего.

Теперь эти записи собраны и изданы. Книжка называется «Новый театр» и всем своим пафосом обращена к театру. Но круг мыслей и эмоций автора шире и глубже театральной парадигмы! Дневник этот вписывается и в тогдашнюю позднесоветскую ситуацию, и в ситуацию всечеловеческую. Не только по причине кризиса, который должен был постигнуть театр в эпоху кино и телевидения. Но и той причине, что кризис этот театр изумительно преодолевает. И теперь, и в предсказуемом будущем. Ибо речь уже не только о театре, а обо всей культуре, определяющей лицо страны и народа.

В этом смысле опыт Еланской уникален и незаменим. Вот как она очерчивает общекультурную ситуацию своего времени и место в ней театра.

*«Театры, ну, скажем, в Москве, по вечерам и по утрам полны все без исключения. Люди хотят **участвовать**, приобщиться к празднику ли, зрелищу, к живому ли общению, но хотят вырваться из повседневности, из той же домашней обстановки — с ежедневным телеэкраном почти в каждом доме, при яростной смене кинофильмов во множестве кинотеатров, где люди сидят в пальто, не раздеваясь, и как ни огромно изображение актера на экране — ему сейчас, в данный момент — изображению — все равно, смеетесь вы или плачете, или повернулись к нему спиной, а дома просто выключили — если это телевизор — пьете чай, или читаете под него газету. Взаимодействие условно и односторонне. Экран есть экран. Механика, чудеса техники, автоматизм.*

А по существу, нарушено звеньишко — основа: сейчас, в данный момент — живой актер и живой зритель — взаимодействие. Это и есть, в принципе, живой театр. Который, как выяснилось, и не думает умирать, и, по-видимому, не умрет никогда, хотя могильщиков и предсказателей тому еще недавно было более, чем достаточно...»

Поразительна в этом описании невозможность забыть, как в кинотеатрах люди сидели в пальто. Притиснутые друг к другу в тесном кинозальчике, они были обречены на взаимообщение. И кино, по Ленину, ощущалось как важнейшее из искусств. В эпоху Смуты и

русского бунта, бессмысленного и беспощадного, работала магия общения!

А теперь, включив телевизор, вы пьете чай и читаете под его киноритм газету. Это что, общение? Или его имитация?

Эта современная имитация и побуждает Еланскую искать ей замену. Заново! Где? В театре! Причем не в театре-коробке, «зеркалом сцены», наглухо разделяет собравшихся: тут актеры, упоенно играющие на сцене, а там зрители, сидящие в задних рядах без галстуков. И разумеется, никакого между теми и этими общения нет.

Как ни пытается театр преодолеть эту стену (Спесивцев размещает зрителей в вагоне электрички, а акты действия разыгрывает на перроне во время остановок) — общения нет! И Еланская возвращает театру общение через «Сферу» (в центре всего в древности был общий костер, вокруг которого актеры и зрители двигались по кругу, находясь в контакте и неизбежно общаясь).

Может ли театр «Сфера» восполнить этот современный дефицит общения?

Может — в той степени, какой весь философский поиск Еланской обращен к театру!

А вне театра? Дефицит общения фатален. Не влезать же обратно в пальто и не набиваться толпами в зрительные залы, как когда-то!

А если сидеть дома и пить чай, включив ТВ, — когда же наступит общение? Или это будет все та же имитация?

А если общение в нашей жизни реализуется, то как? Люди выбегают из домов на улицу и, собираясь на площадях, выясняют отношения не столько между собой, сколько с властями предрежащими. Это что же, общение? Или его уродская гиперкомпенсация?

А дикие виды спорта, когда молодые энтузиасты соревнуются в «зацеперстве»?

А кружки малолеток, решивших готовиться к самоубийству, — что вообще за гранью разума?

Нынешнее общество — сможет ли найти формы нормального общения людей, естественные повседневные формы?

Имеются ли прецеденты?

Еланская их находит — в практике церкви.

«Какую мощную сферу создавала церковь и погружала в нее верующих, дабы уверовали! Здесь соединялось все: и архитектура здания, и сокровища искусства, создающие вкупе высокохудожественный поэтический образ самого храма, и полумраковый свет, цветные витражи, при виде которых... перехватывает горло — так это красиво, и цветы, и вербы, и березы на Троицу. И свечи, и звучание молитвенных песнопений, хоров,

органа. Вот это воздействие! Действительно не пошлится».

Да неужели современный человек так нищ, что не имеет на это права? На весь этот комплекс искусств, собранный воедино? Чем он провинился, поднявшись на более высокую ступень развития?

Ведь «церковь может заменить только театр», писал А. Луначарский (вот! — Л. А.).

В церкви человек пел, плакал, молился, во всяком случае, должен был, по идее, все это делать, — передумывал свою жизнь, казнил себя, исповедовался. Возникало общение с чем-то или кем-то «более значительным, чем ты сам», общность с другими людьми. Общение, общность...»

Да, в церкви — общение людей. Но церковь сама — разделена на религиозные доктрины. И в любой из таких доктрин предполагается религиозная сверхзадача.

А вне этой сверхзадачи — только театр?

«Театр призван рождать духовный подъем. Очищение, катарсис... творить радость. Наполняя смыслом человеческую жизнь».

Великие достижения прошлого театра — не помогут! Время меняется неудержимо. Былые герои застывают в хрестоматийной общепринятости. Общение — ноль!

«...Время другое, вкусы не те, устарели герои-неврасценики, романтики и т. д. Безусловно, устарели, но ведь это ярлыки, а за ними существует нечто такое, что устареть не может. Потому что вечно. А вот бытовой, достоверный актер и только, как эталон современности в театре, явление, безусловно, временное. И время его уже истекает».

Что же в грядущем?

Не угадать.

Но вера держит душу! Здесь первостепенно пророческое, жреческое, личностное.

«Пророк ищет понимания, нуждается в нем, стремится к общению с людьми, чтобы быть понятым. Но когда они понимают какую-то часть его пророчеств, он уже опять видит дальше, и понимание окружающих всегда отстаёт от полета его мысли. Идея пророчества чуждо благополучие, спокойствие, практицизм, они несоместимы».

Вот этот горящий уголь пророчества должен вести за собой актера, прикасающегося к сфере. Иначе лучше не прикасаться...»

«Ремесленнику сфера противопоказана, да она ему вовсе и не нужна. Сфера нужна «чудакам», которым всегда чего-то не хватает. А ремесленник от театра очень рад, что система освободила его от мук творчества, ему и так хорошо...»

А подлинный театр — сфера общения! По Комиссаржевской, театр — это храм, актер в нем — жрец, а зрители — молящиеся...

«Смысл человеческой жизни — в радости... Ведь когда нам радостно — глубоко, по-настоящему — вопрос о бессмысленности жизни противоестественен. И никогда не мучает. Потому что смысл самого понятия “радость” — и есть истина жизни. Ее гуща. Духовная жажда — это жажда смысла, т. е. глубокой радости. Радость всегда живая, само понятие такое, если мертва, значит, уже не радость. И живой театр служит утолению этой духовной жажды, без которой человек перестает быть собою. А если нет ей утоления — “умирает от жажды”...»

Радость общения. Смысл бытия!

Нам не угадать, в каких формах будет находить для себя этот смысл человечество. А суть вечна. Как сказал когда-то Немирович-Данченко, суть — в том, чтобы судить о человеке не по словам и даже не по делам. А по его мечтам.

Екатерина Еланская создает в своем сознании художественный образ происходящего. *«Образ поэтический, философский. А не бытовой».*

Бытовой будет продиктован непредсказуемой в ее поворотах Историей.

Философский живет в наших мечтах.

Этот живой опыт выстрадан и донесен до нас Екатериной Еланской.

